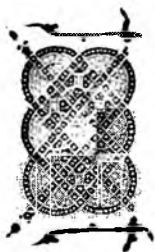

ТЕОРИЯ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

О. В. Кириченко

Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII – начале XIX в.

Мы рассматриваем дворянство и интеллигенцию в России на историческом отрезке XVIII – начала XIX в. как две могущественные, но принципиально разные по целям социальные силы. Дворянство – как традиционную элиту, существующую в государстве и обществе, как сословие с охранительными, административно-организационными и патерналистскими функциями. Интеллигенцию – как социальную группу, не оформленную юридически в сословие и состоявшую из лиц творческих профессий (деятели художественной культуры, врачи, педагоги, ученые), или, шире, хорошо образованных, творчески одаренных людей из числа всех сословий, вступающих в социальное единство друг с другом через сумму политических идей и свою чисто «интеллигентскую» идеологию. Интеллигенция не стала сословием, потому что в основе ее идеологии лежал исповедуемый каждым интеллигентом личностный индивидуализм, исключающий любую форму социальной (сословной) коллективности, так как через такие формы, по ее мнению, личность попадает в рабство к государству. Не все лица творческих профессий стали интеллигентами, хотя правительство предоставляло им отдельную социальную нишу. Кто-то из них растворился среди сословий дворян, купцов, духовенства, мещан, став творческой и просто хорошо образованной частью их. Это те, кто не пожелал свою образованность использовать для борьбы с существующими порядками, не встал на позицию индивидуализма. Интеллигенция формировалась из представителей всех сословий, и потому она имела сложный социальный состав. Сложной выглядит и картина идейного роста интеллигенции, образование ее самосознания.

Дворянство в целом, как особое служилое сословие, как элита общества, стало антиподом ин-

теллигенции. Суть спора между дворянством и интеллигенцией состояла в том, что интеллигенция отказывалась от того социального статуса, который ей предоставляла официальная власть, но желала занимать то место в государстве, которое принадлежало дворянству. Вместе с тем она не хотела быть тем, кем в реальности было православное, монархическое дворянство для России, интеллигенция выступала как элита нового, нетрадиционного типа. Она не разделяла главную ценность дворянского сословия, ради которой оно существовало: служение царю, Отечеству и народу. Интеллигенцию интересовало не служение на своем конкретном поприще, а учительство: право быть единственным воспитателем и учителем в государстве, обществе, культуре.

Сословие дворян, в лучших своих представителях, в массе своей, видевшее в служении Отечеству, его защите и социальной опеке свой долг, было антиподом интеллигенции, и потому противостояние было неизбежно. Защищать государство, считала интеллигенция, необходимо или подзаконно, или за деньги, не превращая это в дело чести и долга. То же и с остальными «дворянскими» функциями: административными и патерналистскими. Для интеллигенции было важно, что закон проводит в жизнь юридически уполномоченное безликое «лицо», а не «среда», как это было при господстве дворянства. В «среде» защищались коллективные ценности и привилегии. «Лицо», в отличие от «среды», никогда не станет стремиться быть проводником царской, самодержавной власти или церковных истин, а будет проводником «истины вообще». Только соборно¹ спаянная «среда» могла быть проводником личностной и благодатной власти царя. В «среде» мог существовать уровень послушания царской воле, то есть мотивация

¹ Соборность, по А. С. Хомякову, есть единство, скрепленное Божьей благодатью, а не человеческим законом.

поведения не просто на уровне законопослушания, но уже на уровне послушания помазаннику Божию – как выразителю воли Бога для народа, и послушания голосу своей совести – как истине. Тем самым здесь существовала духовно (христиански) осознанная стратегия поведения.

Интеллигенция также была против того, чтобы элиту связывали с другими сословиями (и особенно с крестьянским) отеческие отношения, такие, какие имел царь к каждому подданному в государстве. Словом, свое социальное господство интеллигенция видела в создании особой идеологии – установок «правильной, настоящей» жизни для народа – и в создании условий для ее утверждения. Она выдвинула свое понимание служения народу в виде его светского просвещения, мер укрепления физического здоровья и экономического процветания, которое, по ее мнению, не должно зависеть ни от чьей отеческой опеки: ни от помещиков, ни от государства, ни от Церкви. Утилитарная забота о народе – наиболее яркая черта интеллигенции. И крестьянство, и рабочие пользовались ее особым вниманием. Рабочие по своему социальному положению были близки интеллигенции тем, что так же, как и она, не имели сословного оформления и потому были удобным объектом для прямого идеологического воздействия. К началу XX в. возникли все необходимые условия для того, чтобы рабочие обрели свой отдельный сословный статус, с общей, как и прочие сословия, платформой служения царю и Отечеству и нормой отношения к господствующей Православной Церкви. Вот что, например, писал в 1907 г. крупный политический и общественный деятель России, князь Александр Григорьевич Щербатов: «Фабричные и заводские рабочие должны добиваться в Государственной Думе получения прав отдельного, самостоятельного сословного строя. Фабрично-заводское рабочее сословие тем самым приобретет право объединяться в областных, городских и посадских обществах, иметь самостоятельные общественные управления, приобретать в общественную собственность имущество, иметь своих выборных голов, старшин и старост, собираться для обсуждения своих нужд и ходатайствовать на законном основании от имени всего своего общества или своего сословия перед правительством об удовлетворении своих потребностей»². Но именно интеллигенция с ее антимонархическими и атеистическими взглядами сумела удержать рабочих от пути сословной самоорганизации, манипулируя их сознанием и используя в конечном счете их как

ударную силу при ниспровержении самодержавия и в гонениях на Церковь. Она использовала такую особенность рабочих, как отсутствие в их среде традиционных сословных форм представительства и традиционных институтов самоорганизации и самоуправления, слабую выраженность норм обычного права внутри рабочей среды. Вместо этого ей удалось создать среди рабочих чисто политические формы самоорганизации и представительства. Политизировав значительную часть рабочих, революционеры-интеллигенты манипулировали ею, заряжали революционной идеологией и в нужный момент подтолкнули ее к революции.

С XVIII по начало XX в. интеллигенция прошла путь весьма интенсивной эволюции. От рационалистов, в основном выходцев из разночинной среды середины XVIII в., занятых наукой и литературой, до организованной в партии и общества, политизированной пестрой революционной массы начала XX в. До революции 1917 г. интеллигенция противостояла и самодержавной власти, и Православной Церкви, то есть выступала как разрушитель общества, построенного на традиционных-религиозных ценностях, но это положение в какой-то степени изменилось после революции, в советское время. С уничтожением сословного строя, и почти полного физического уничтожения дворянства, интеллигенция взяла на себя функции духовной элиты, и тогда в недрах ее появились люди, подобные служилому дворянству, совестливые, болеющие за реальную, а не выдуманную Россию, верующие и любящие традиционную русскую культуру. Тогда, впервые, у интеллигенции появился положительный образ.

До революции интеллигенция сумела создать параллельный дворянскому сословию социальный слой (хотя и неофициальный) политической, художественной, научной элиты, служащей своей идее, своему пониманию смысла бытия. Она использовала свою способность объединяться, выражать общественное мнение и другие возможности не для создания особого сословия интеллигенции на платформе традиционных для православной России ценностей, а в разрушительных для монархии, Православной Церкви целях.

Сила интеллигенции была в том, что она имела союзников во всех сословиях, и прежде всего в дворянском и духовном. Отказавшись от предложения правительства стать сословием, она, по сути, стала разрушителем всех сословий, а потом и сословного строя. Могущество ее так же состояло в опоре на внеадресные и внесударственные

² Щербатов А. Г., кн. Чего должны добиваться в Государственной Думе фабричные и заводские рабочие: От Председателя СРД (1907) // Щербатов А. Г., кн. Обновленная Россия и другие работы. М., 2002. С. 344.

структуры: международное масонство, международную интеллигенцию и так называемое международное общественное мнение. Видя, какую роль сыграло масонство в организации интеллигенции как нетрадиционной элиты, мы вправе оценивать эту тайную организацию не только как секту, общественную или политическую организацию, но как идеологическую модель общества буржуазного типа, в которой закладывалась вся программа общества нового, нетрадиционно-сословного типа. Масонская организация была зерном, из которого можно было вырастить новый тип государственности. Интеллигенция вольно, а иногда и невольно выступала проводником и организатором этого процесса. Как в Европе буржуазный строй идеологически утвердился на плечах интеллектуалов-гуманистов, так и в России буржуазная и социалистическая революции были подготовлены и проведены несколькими поколениями интеллигенции.

* * *

Интеллигенция в России формировалась из нескольких социальных потоков, ручьев, которые постепенно сливались в одно целое и только ко второй половине XIX в. образовали «реку», замеченную современниками. Считается, что термин «интеллигент» появился в последней четверти XIX в. и с легкой руки писателя и публициста П. Д. Боборыкина³ быстро распространился. Интеллигентами стали называть людей свободных профессий: художников, скульпторов, архитекторов, литераторов, музыкантов. Однако уже тогда по мере появления философских работ, осмысляющих общественные процессы в России за последние столетия, понятию «интеллигент» стали придавать более широкий смысл. Об интеллигенции стали высказываться писатели, студенты, ученые, церковные деятели еще и потому, что в обществе нарастала революционная активность его образованной неаристократической части. В эти годы, однако, интеллигенция не получила еще четкой аналитической характеристики и однозначно оценивалась всеми — и консерваторами, и либералами — как положительная сила. Так, С. А. Нилус, духовный писатель-монархист, употребляет характеристику «интеллигент» (начало XX в.) по отношению к иеромонаху Даниилу (Болотову), духовно близкому ему человеку, иконописцу, бывшему художни-

ку: «...монах и художник, интеллигент и искатель „невидимого града“...»⁴. Также говорилось об интеллигентности как созидательном состоянии людей, занимающихся творческой деятельностью непрофессионально, но на высоком уровне. При этом в среде «передовой» студенческой молодежи синонимами интеллигента в 1870-е гг. уже считались такие выражения, как «передовой человек», «лучистый» — тип высокоморальной натуры, «новый человек» — *homo novus*. Историк К. Д. Кавелин, западник по своим воззрениям, так характеризует в 1877 г. Московский салон А. П. Елагиной 1840-х гг.: «Это имя... очень известно в интеллигентных слоях русского общества, принимавших более или менее живое и деятельное участие в нашем литературном, научном и культурном развитии»⁵. К. Д. Кавелин сетовал, что для современной ему творческой молодежи нет таких условий воспитания интеллигентности, какие были в 1820 — 1840 гг. в салонах, подобных елагинскому: «Образованные кружки представляли у нас тогда посреди русского народа оазисы, в которых сосредоточивались лучшие умственные и культурные силы, — искусственные центры, со своей особой атмосферой, в которой вырабатывались изящные, глубоко просвещенные и нравственные личности»⁶.

Для писателя И. А. Гончарова интеллигент вообще является синонимом дворянина: «Якубов, как почти все дворяне тогда, или, лучше сказать, вся русская интеллигенция, принадлежал тоже к масонской ложе (первая четверть XIX в. — О. К.)... В нашем губернском городе была своя отдельная масонская ложа, во главе которой стоял Бравин»⁷.

В. О. Ключевский в 1897 г. в заметке «Об интеллигенции», может быть, впервые дал понятийную характеристику этому социальному явлению: интеллигентом общепринято называть «человека разумеющего, понимающего, и им обыкновенно называют человека, обладающего научно-литературным образованием... Назначение интеллигенции — понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа»⁸. По мысли историка, интеллигенция России появляется в середине XV в., когда падение Византии впервые пробудило самостоятельную общественную мысль. Затем в борьбе боярства и Московского государя рождается еще один тип интеллигенции. Смута,

³ Муратов А. Б. Боборыкин Петр Дмитриевич // Русские писатели. 1800 — 1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 286 — 290.

⁴ Нилус С. А. Великое в малом. СПб., 1998. С. 252.

⁵ Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии, русской истории и культуре. М., 1989. С. 320.

⁶ Там же. С. 333.

⁷ Гончаров И. А. Воспоминания // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 279.

⁸ Ключевский В. О. Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 298 — 299.

оппозиция Патриарху Никону – все это этапы рождения интеллигенции. Но она всегда была «малообразованна, горласта, спорила и боролась за веру, не зная толком веры».

Только после революции 1905 г. интеллигенция получила обобщающую критическую оценку своей деятельности как единой социальной силы. Но мнения у консерваторов-монархистов из числа верующей аристократии и либералов, представлявших саму интеллигенцию, разошлись.

Князь А. Г. Щербатов в 1905 г. в обращении «От Союза Русских Людей» писал об этом так: «В глубоко убеждении, что главная причина современной смуты коренится в полной оторванности от родной почвы наших так называемых образованных классов, СРЛ ставит своею конечною целью: образование истинно Русской интеллигенции, то есть людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей Православный Народ Русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца богатыря-подвижника»⁹. Это мнение почти буквально воспроизводит уже после революции 1917 г. другой национально мыслящий аристократ, князь С. Е. Трубецкой: «Типичный интеллигент – человек, оторванный от земли и от истории и не имеющий традиций, кроме, конечно, специфически интеллигентских»¹⁰. У интеллигента, считал князь С. Е. Трубецкой, круг своих интересов, интеллигент спесив (горд своей интеллигентностью), испытывает тайную зависть к старинной утонченной культуре русской аристократии, обладает высокой способностью ассимилировать представителей разных сословий: купцов, мещан и дворян. Не отрицается то, что интеллигент обладает многими положительными качествами, но их, однако, очень портят постоянная склонность к политической аффектации, к борьбе, крикливости и напористости. Чтобы отделить интеллигента от образованного аристократа, для последнего князь Трубецкой употребляет понятие «культурный человек», подразумевая под этим наличие у подобных людей не только огромного багажа знаний, но и выработанного чувства «обязанности и ответственности», а также получивших безупречное воспитание, считающих за долг и честь служить процветанию России. Таких личностей было в обществе, как считал князь С. Е. Трубецкой, среди аристократии немного, но притом каждый порядочный дворянин должен был стремиться стать культурным человеком.

Противоположная позиция была изложена в 1909 г. в литературно-философском сборнике «Вехи»¹¹, где большая группа авторитетных философов-интеллигентов подвела итог, объясняющий причины неудач интеллигенции в революции 1905 г. Типичному интеллигенту, как отмечали авторы сборника «Вехи», не хватало для успеха дела (дать народу счастье!) философской культуры, умения глубоко аналитически мыслить (Н. А. Бердяев); ему не хватало правильного взгляда на религию (С. Н. Булгаков); ему не хватало решительности, чтобы оторваться от дворянства и привилегий, с ним связанных (М. О. Гершензон). Но больше всего интеллигенции мешало ее нигилистическое морализаторство (отрицание абсолютных ценностей ради некоей моральной идеи), отмечал С. Л. Франк. Этот приговор через несколько лет, уже за границей, дополнили те представители старой интеллигенции («сменовеховцы» и прочие), кто сумел выехать за рубеж. Сама интеллигенция не посчитала, что она оторвана от народа или что ей нужно учиться у русского народа-простеца истинному просвещению – православию.

Незадолго до революции 1917 г. в критическом тоне по отношению к интеллигенции заговорили некоторые деятели Православной Церкви, осуждая антирелигиозный настрой большой массы образованных слоев. Архиепископ Иларион (Троицкий), будущий новомученик и исповедник, в 1916 г. так обращался к студентам и преподавателям Московской Духовной Академии (доклад назывался «Думы о русской интеллигенции»): «Русская болезнь имеет в основе грех против Церкви. <...> Кто отрекся от Церкви, тот отрекся от России, оторвался от русской почвы, стал космополитом. В жизни исключительно религиозных народов всегда так и бывает. <...> Именно русская интеллигенция поставляла в европейскую жизнь самых радикальных отрицателей, нигилистов и анархистов». Архиепископ Иларион назвал «отцами» русской интеллигенции императора Петра I и «немцев» – тот многочисленный союз немецких сил, что привлекли в Россию этот и последующие императоры, с их протестантскими идеями и мировоззрением. В докладе подробно проанализирован путь русской интеллигенции, отмечено, что как социальное целое, «как класс» она появилась в XIX в. и заняла место между народом и высшим обществом. От своих многочисленных кумиров, которых интеллигенция меняла каждое десятилетие, она училась постигать мир по-своему: «Бе-

⁹ Щербатов А. Г., кн. [Обращение] От Союза Русских Людей // Щербатов А. Г., кн. Обновленная Россия и другие работы. М., 2002. С. 286.

¹⁰ Трубецкой С. Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия восприняет. М., 1996. С. 150. 199.

¹¹ Вехи: Из глубины. М., 1991.

линский научил русских интеллигентов атеистическому социализму. Русская интеллигенция стала и нерелигиозна и ненациональна. <...> Религию заменила для себя антропологией»¹². Автор отмечает такое качество, как «несоборность интеллигенции», неспособность объединиться духовно, на основе одной идеи, одних ценностей, так как каждое новое поколение интеллигенции отрицает авторитеты предыдущего и утверждает свои ценности.

Почему же так поздно удалось увидеть истинное лицо интеллигенции, лишь незадолго до политической, социальной и духовной катастрофы 1917 г.? В большей степени в силу способности интеллигенции к социальной мимикрии, с самого начала вызванной сознательным нежеланием служить интересам той России, в которой интеллигенция жила, получала образование, награды и поощрения. Интеллигенция сумела долго скрываться от социальной определенности, социального статуса, но, тем не менее, и в эти годы она существовала. Маркировкой интеллигента была привязка к передовой «общечеловеческой» идеологии, а не к подлинным интересам какого-либо сословия. Образованный человек, имеющий состояние интеллигентности, был воспитан в идеологических нормах, чуждых официальным, и эту «передовую» идеологию интеллигент превращал в своего рода духовность: в политический, религиозный, нравственный, культурный императив. «Передовая» идеология была смесью новейших рационалистических (материалистических) и мистических теософских учений и знаний. Человек мог быть, условно говоря, даже «полуинтеллигентом» до какого-то времени, когда он попадал в плен такой идеологии, и в нем продолжало бороться традиционное начало и космополитическое, пока что-то одно не побеждало. Этот путь прошли многие деятели русской культуры: Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. А. Тихомиров и другие. Вот почему крайне трудно увидеть и описать процесс образования интеллигенции в России, четко выделить ее социальную нишу. В наибольшей степени к формированию интеллигенции причастно сословие разночинцев, хотя немалую лепту внесло и купечество, и дворянство, и священство, но стимулировали рождение интеллигенции, безусловно, отдельные космополитически настроенные представители высшей русской аристократии. Для этого они использовали свои, отдельные от прави-

тельства структуры и рычаги воздействия на образованных разночинцев, чтобы иметь социальную опору при осуществлении своих планов переустройства России.

Обращаясь к истокам появления интеллигенции, важно отметить, что православное служилое дворянство вплоть до конца XIX в. не противостояло «лицом к лицу» интеллигенции. Его противник действовал скрытно, был очень неопределен, активно пользовался методами декларативности и популизма. К тому же дворянство могло действовать в качестве официального стража порядка только от лица правительства, оно было связано в формах и средствах полемики. Оценивая же правительственные действия в отношении интеллигенции, необходимо заметить, что с самого начала правительство в большей или меньшей степени «видело» интеллигенцию и пыталось оказать на нее воздействие, привлекая для этого и верное трону дворянство. Интеллигенция же всегда действовала как бы от лица общества, его «лучших, прогрессивных» сил, а когда это было необходимо — как бы от лица народа.

* * *

Одним из важнейших итогов реформ Петра I было сведение многочисленных сословных групп в несколько крупных, юридически оформленных сословий. Перед каждым сословием была поставлена четкая, определенная политическая задача: нести ту или иную повинность, чем подчеркивался служебный характер зависимости всех сословий от государственной власти. Расширилось само понимание служения. Прежде служением называлось участие в службе государю в определенном чине, за плату и разного рода пожалования (чины, награды, земли). В новом качестве служение стало пониматься шире — как служение России, Отечеству, всех без исключения лиц в государстве. Было заявлено, что царь (а с 1721 г. император), как и все, служит Отечеству, России¹³. Сохранилось и прежнее понимание службы — как профессиональной деятельности в государственном аппарате, в военном или чиновничьем ранге. Но в государственных документах и в установках власти на образование, культуру ясно просматривался новый взгляд на служение. Это касалось и податных сословий: купечества, мещанства, разночинцев, крестьянства и даже частновладельческих крестьян, которые должны были в новых условиях, имея

¹² *Новомученик и исповедник архиеп. Иларион (Троицкий)*. Грех против Церкви (Думы о русской интеллигенции) // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1994. Вып. 13. С. 21 — 28.

¹³ *Агеева О. Г.* Некоторые вопросы содержания понятия «патриотизм» в общественной мысли России первой четверти XVIII в. // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века): Научная конференция. М., 1992. С. 16; *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 186 — 187.

гражданские права, нести перед государством гражданские тягла: платить подушную подать (крестьян в 1724 г. наделили возможностью иметь паспорт)¹⁴, поставлять рекрутов, помогать при размещении войск. Крестьяне «имеют должности к Государю и должны радеть об общей пользе», пишет в своей «Инструкции о домашних порядках» в 1750-е гг. помещик Т. П. Текутьев¹⁵. В «Жалованной грамоте городам» (1785 г.) сословность в целом понимается государственной властью как род службы государству¹⁶. Заметим, что «широкое» понимание службы не мешало существованию «узкого» понимания службы – в чине и должности, с жалованьем (или разрешением на прокормление) от государства. «Широкое» понимание службы «держали в уме» царь и правительство, оно было частью государственной идеологии. Наиболее сознательно и активно ее проводило в жизнь дворянство, так как на него возлагались основные организационные и сословно-охранительные функции. Остальные сословия призывались рассматривать свою профессиональную деятельность с точки зрения блага и пользы для страны. Существовали и неформальные сословно-общественные добродетели, неодинаковые у каждой социальной группы. Так, купечество отличалось разнообразной благотворительной деятельностью, что напрямую влияло на известность имени купца, его вес в обществе. Крестьянство характеризовали глубина и сила патриотического чувства, что напрямую вытекало из осознания своего Отечества как православного, из особого отношения к царю и своей земле. Немалое влияние в деле просвещения крестьян «государственным сознанием» оказывали сельские священники, державшие их в курсе происходивших политических событий, также благочестивые помещики и солдаты-рекруты из числа крестьян, присылавшие на родину письма.

В период правления Екатерины II (после работы с сословными наказами при составлении Уложения) тема сословного служения звучала четко и определенно. Как отмечает С. В. Рождественский, взгляд правительства на служение еще более углубился: «Сословные различия в это время опирались уже не только на разверстку между общественными классами разных видов государственной службы и тягла, но также на признание за каждым родом людей особых внутренних качеств, составляющих сущность его социальной природы. „Благородство“ – сущность дворянско-

го звания; „добронравие и трудолюбие“ служили основанием „среднему роду“ людей; „трудолюбие и трезвость“ объявлялись главнейшими добродетелями земледельческого состояния; „благочестие и примерное поведение“ – добродетели состояния духовного»¹⁷. Гражданские же добродетели объявлялись общими для всех.

Расширяя и углубляя понятие служения, власть, начиная с Петра I, успешно решала задачу укрупнения сословных групп для сведения их в несколько больших сословий. Всеобщее участие в службе государству (не узко – аппарату, а стране) являлось важнейшим гарантом стабильности и крепости страны, основой ее экономического и политического процветания, хотя при этом возникали свои сложности и межсословные противоречия. Но в целом реформа имела успех, и успех ее был тем более удивителен, что она проводилась в кратчайшие сроки, «сверху», в такой территориально огромной стране, как Россия. Как нам кажется, сословно-правовая реформа удалась прежде всего потому, что ею руководил монарх, обладавший не только политической властью, но, как помазанник Божий, и прерогативами духовной власти использовавший благодатные дары Святого Духа на укрепление, централизацию своей власти, и на объединение народа на новой политико-правовой основе. Пойдя на эту неизбежную реформу, русские монархи многим рисковали, так как менялись границы не только между сословиями, но и отношения между царем и всеми остальными. Император, сохраняя свою харизму и благодать помазанника и абсолютную власть в социальном плане, стал одним из аристократов-дворян. Так, Петр I как частное лицо считал себя владельцем земли в 800 душ в Новгородской губернии и расходы свои соотносил с доходами от имения¹⁸. Вот почему император сделался открытым как человек, как личность и критике, и просто неприязненному взгляду, и оценке некоторых лиц в государстве. То, что, начиная с Петра I, царь «вышел» к подданным, и сделало его уязвимым для критики самых разных сил и групп. Но это была цена за возможность реально объединить сословные группы и чины в сословия, так как монарх делал это как властитель с неограниченными полномочиями. Он, как Творец, мог творить новый мир и не отчитываться за каждый свой шаг перед парламентом. Такой уровень творческой свободы для

¹⁴ Плакат о сборе подушном и протчем // Законодательство периода становления абсолютизма: В 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 208.

¹⁵ Смиланская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. М., 1998. С. 42.

¹⁶ Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Законодательство периода расцвета абсолютизма: В 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 87.

¹⁷ Рождественский С. В. Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по Уставам 1804 года // Вестник Европы. М., 1907. С. 11.

¹⁸ Князьков С. Из прошлого Русской земли: Время Петра Великого. Репр. М., 1991. С. 419.

политика ни с чем не сравним. Тем более что эта свобода покоилась не на произволе, не на узурпированной абсолютности власти, а на благодатной возможности, данной Богом, — творить по Его воле.

Другая важная причина успеха сословной реформы заключалась в том, что сословные группы до того жили не только в соответствии с общими законами страны (уложения, указы, соборные послания), но внутри себя имели неписанные обычно-правовые установления. Поэтому объединение в сословия не было формально-правовым, когда государство обозначало только юридический статус конкретной социальной группы, но опиралось на базу обычного права. И в этом процессе также без живого участия царя нельзя было обойтись.

Все группы аристократии, представленные прежде отдельными чинами, в это время были сведены в одно сословие дворян. Как известно, «до конца XVII в. не было юридически оформленных норм доказательства дворянского происхождения или же устанавливающих какие-либо сословные группы. Сословность определялась принадлежностью к определенной семье»¹⁹.

В дворянское сословие вошло и продолжало входить до начала XX в. много лиц неаристократического происхождения. Тем не менее, дворянство поглощало все эти силы и подчиняло их своим интересам, обладая мощным внутренним социальным зарядом. Элитарность ведущего сословия вырастала из многовековой верности делу служения князю, царю, императору, из сословной способности аккумулировать силу патриотического духа народа и умения защищать землю Русскую. Она вырастала в течение веков вместе с ростом страны и народа, когда выковывался особый характер военного служилого аристократа: смелый, властный, с большим запасом внутренней свободы, выражавшейся в благородном достоинстве, любящий честь, понимающий долг как принятые священные обязательства. Сложнее всего, как показывает история России и других стран, было воспитать такое качество, как послушание царю. Эту важную для воина христианскую добродетель русское дворянство сумело в себе воспитать благодаря православной вере. Огромной ценой была достигнута эта победа — хотя во все времена аристократия нередко была своенравной и обидчивой, но, тем не менее, в России она сложилась в свой «коллективный тип», и типичность эта строго охранялась ею самой и самодержавным государством.

Видела ли власть в лице Петра I опасность потерять накопленные социальные и нравственные

ценности дворянства, когда открывала широкий доступ в него людям из непривилегированных сословий? Отбор осуществлялся достаточно жестко, да и аристократия обладала высокой степенью защищенности, поэтому вопрос об этом даже не ставился. Важнее было внутри старой аристократии обновить само понятие благородства, вывести его из-под бремени некоторых устоявшихся кастовых стереотипов. Например, существовал обычай вести местнические споры о родовитости и знатности. Не уничтожая понятия старинных заслуг рода, царь хотел сосредоточить внимание на накоплении личных заслуг дворянина перед Отечеством. Получение светского образования, овладение научными знаниями, применение их на практике должно было способствовать успешности и более высокой, чем в старое время, профессионализации служения на конкретном поприще. Правительство возложило на дворянство миссию главного служилого сословия и рассчитывало на его воспитательную роль в обществе. Оно должно было стать образцовым сословием по образованности, воспитанности, профессиональному мастерству. Предполагалось, что сословие это будет комплектоваться динамично и в большей степени из числа лучших представителей всех слоев (кроме крепостных крестьян) населения. Система выслуги и наград за заслуги перед Отечеством, а также наличие образования позволяли представителям неподатных сословий надеяться на получение дворянства.

Доступ в дворянское сословие непривилегированным слоям был открыт прежде всего потому, что потребность в дворянских кадрах не покрывалась наличием старых чинов аристократии. К тому же родовитое дворянство в первой половине XVIII в. нередко проявляло пассивность и даже сопротивление попыткам приобщить своих детей к изучению наук. Привлечением нового дворянства предполагалось ускорить процесс приобщения дворян к учебе. По этой причине, а также отчасти из-за нехватки учителей и пособий обучение в первых профессиональных школах сделали совместным — всесословным. Такое положение существовало до тех пор, пока в 1716 г. не появилась возможность открыть чисто дворянские, а потом и священнические, коммерческие учебные заведения²⁰. Но всесословные школы сохранили.

Уже при Петре I у правительства сложился неоднозначный взгляд на образование. Так, в Духовном Регламенте специально делается оговорка о вреде «мечтательного учения». Хотя речь шла

¹⁹ Бычкова М. Е. Правящий класс русского государства (XVI – XVII вв.) // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословий. М., 1997. С. 236 – 237.

²⁰ Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С. 3.

о духовных лицах, но замечания, высказанные представителями Регламента, весьма симптоматичны. О людях, обольщенных ложными учениями, сказано: «...мнят себе быти совершенных, и помышляя, что все, что либо знать можно, познали, не хотят, но ниже думают честь книги, и больше учиться. Когда вопреки прямому учением просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не престанет никогда же учиться, хотя бы он и Мафусалов век пережил». «Неосновательные мудрецы», как называет их Регламент, «пред властью над меру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их, и пролезть на степень честный. Равного чина людей ненавидят... К бунтам склонны, восприемля надежды высокие. Когда богословствуют, нельзя им не еретичествовать... мнения своего изреченного переменить отнюдь не хотят, чтоб не показать себя, что не все знают»²¹. Откуда у императора и архиепископа Феофана Прокоповича, составлявших Регламент, такой критический опыт, если в России еще не появился круг таких людей? Очевидно, здесь учтен европейский опыт российского императора и архиепископа, живших, учившихся и бывавших в различных странах Европы. Заговорив об опасности ложно усвоенного образования еще в первой четверти XVIII в., российское правительство и не подозревало, насколько велика и масштабна будет эта опасность уже к концу века.

Дворянское сословие нуждалось в людях образованных и было открыто через чины, награды, пожалования представителям других сословий. Однако при этом не ставилась задача поглощения им всех получающих образование. Для того и существовали сословные школы. Кроме дворянских и узкосословных школ было создано множество низших — профессиональных учебных заведений. В них обучалось большое число простых людей, призванных обслуживать нужды армии и строящегося флота. К числу «простых людей» относилась в XVIII в. большая социальная группа разночинцев²², количественно очень выросшая в результате сословной реформы Петра I. В число разночинцев входили дети солдат, матросов, адмиралтейских мастеровых, мелких канцелярских служащих, сто-

рожей, истопников, некоторых категорий городских жителей, а также дети безземельных дворян, дети церковнослужителей²³. Это была довольно значительная масса людей, к тому же через своих родителей вовлеченных в сферу активных действий правительства, живших на острие самых жгучих проблем современности: войн, строительства, обучения. Для детей разночинцев в армии было создано множество гарнизонных школ, на судовых верфях организованы специальные классы, при Дворцовом ведомстве — конюшенные школы. В этих школах дети проходили программу начального обучения, а потом в специальных группах получали специализированные знания по артиллерии, инженерному делу, музыке, художествам, счетоводству, ремеслам и т. д.²⁴. Тех, кто проявлял особые способности в области искусства, направляли в гимназию при Академии наук. После успешного окончания гимназии выпускники попадали в Университет при Академии наук. Академия наук была открыта в 1725 г., и при ней создали Академический университет и гимназию, а также ряд специализированных школ: художественную, архитектурную, медицинскую. Выпускники этих школ посылались за государственный счет доучиваться в высшие учебные заведения за границу, а после возвращения сами становились преподавателями. Так, архитектор Д. В. Ухтомский основал в Москве в 1749 г. Архитектурную школу. В 1758 г. была открыта Академия художеств с четырьмя «классами», то есть факультетами: архитектуры, живописи, скульптуры, гравирования. В ней также могли обучаться все сословия, кроме крепостных крестьян. Кроме того, большое количество выходцев из социальных низов могло получить высшее образование в медико-хирургических школах, распространившихся в 1730-е гг.

К середине XVIII в. Академический университет в Санкт-Петербурге «созрел» до того, чтобы давать высшее образование на хорошем уровне достаточно большому числу студентов. Часть студентов состояли на государственном обеспечении (30 человек в Университете и 20 в гимназии получали стипендии), а часть были «своекоштные». В начале 1730-х гг., с открытием дворянских кадет-

²¹ *Регламент, или Устав, Духовных Коллегии*, по которому она знать должена своя, и всех духовных чинов, також и мирских лиц, поелику оная Управлению Духовному подлежат, и при том в отправлении дел своих поступать имеет // *Церковь и государство (история правовых отношений)* / Сост. свящ. Алексей Николин. М., 1997. С. 328.

²² *Разночинцами* назывались в XVIII и XIX вв. разные группы населения. В XVIII в. это была довольно обширная группа, куда были включены как податные, так и неподатные категории населения: дворяне, не состоявшие на службе, «городовые служилые и разных служб служилые люди», ямщики, монастырские служители, однодворцы и др. — все, кто не входил в число семи социальных групп: духовенство, военные, приказные (статские), посадские (купцы, мещане, цеховые), поселяне (крестьяне), дворовые, раскольники. В основном в нечерноземной России к разночинцам относились потомки служилых людей «по прибору», а в черноземной — однодворцы, ямщики, «малороссияне». Со второй четверти XIX в. в понятие «разночинцы» вкладывали другой смысл: «люди, находящиеся в переходном положении и обязанные через известный срок приписаться к какому-нибудь сословию». (См.: *Миронов Б.Н. Русский город в 1740 — 1860-е годы*. Л., 1990. С. 83 — 84.)

²³ *Штраге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке*. М., 1965. С. 13

²⁴ *Там же*. С. 16.

ских корпусов (сначала Сухопутного, а потом и других), у разночинцев появилась более широкая возможность получения среднего и высшего образования. Кроме того, получивших высшее образование разночинцев приглашали на преподавательскую работу, в том числе в дворянский Сухопутный кадетский корпус. В 1730-е гг. вообще произошло много изменений в учебном процессе. Активным поставщиком кадров для высших учебных заведений, кроме указанных солдатских, матросских и других специализированных начальных школ, стали церковные учебные структуры. Епархиальные начальные школы за полвека деятельности окрепли так, что их решено было превратить в семинарии, где в основном преподавались богословие и латынь. Учащиеся, знающие латинский язык, отсюда были активно востребованы университетами Петербурга и Москвы²⁵. М. М. Штранге приводит статистические данные по социальному составу первых поколений учащихся Академической гимназии в Санкт-Петербурге за 15 лет, с 1751-го по 1765 г. За эти годы образование получили 590 человек. Из них – 80 человек дворяне (преимущественно из числа беспоместных); остальные – выходцы из купцов, духовенства, а более всего солдатских детей – 132 человека; много детей канцелярских служащих, из семей мастеровых, из городской бедноты; 93 человека – дети иностранцев²⁶.

В 1755 г. открылся Московский университет, сыгравший первостепенную роль в создании широкого слоя интеллигенции в России. Университет создавался как всеобщий центр высшего образования²⁷. При нем действовали начальное училище и гимназии (для разночинцев и дворян) – как подготовительные ступени к поступлению в Университет. У Московского университета были свои, особые задачи: учебное заведение широкого профиля, он выполнял роль кузницы кадров для чиновничьего аппарата Российской империи и готовил будущих университетских и других преподавателей и профессионалов в некоторых областях художественной культуры. Проект 1755 г. гласил, что выпускник Университета «отпущен будет для определения в службу государеву или на вольное пропитание». Но «вольное пропитание» не означало внесословного существования, а лишь то, что выпускник не попадал на службу, оп-

лачиваемую государством. Пока студент учился, он получал и знания, и представления о государственной службе. Вопрос воспитания студентов Университета в духе сословных интересов дворянства был возложен как на администрацию, педагогов, так и, негласно, на дворянскую молодежь. Вот почему Московский университет сделался одновременно общесословным образовательным центром профессионального образования и идеологическим воспитательным центром. В «Проекте о учреждении Московского университета» 1755 г. так звучит мотивация совместного обучения дворян и разночинцев. Параграф 39 «Проекта...» гласит: «Для различения дворян от разночинцев учиться им в разных гимназиях, а как уже выйдут из гимназии и будут студентами вышних наук, таким быть вместе как дворянам и разночинцам, чтоб тем более дать поощрение к прилежному учению»²⁸. Взаимное влияние двух разных социальных групп должно было носить положительный, взаимообогащающий характер, стимулирующий обмен достоинствами, а не недостатками. И тех, и других, по мысли учредителей Университета, должно было просвещать само знание. Интерпретация знания в мировоззренческом ключе, по мысли Екатерины II, служила делу просвещения человека любого сословия. Такое знание создавало «народное умонастроение», что было залогом успеха прочих реформ, направленных на достижение общего блага²⁹. Правительство хотело получить не только узкого профессионала, но «человека и гражданина». Слабостью такого образования было то, что молодой дворянин в годы учебы отрывался от церковной и семейной среды, которые одни могли дать православное воспитание. Домовые церкви при учебных заведениях, при обязательном посещении воскресных и праздничных служб, а также уроки Закона Божия приносили свою пользу. Но не хватало живой воспитательной православной среды, и это главная причина индифферентного отношения к вере учащихся дворян. В армии среди офицеров и в кадетских корпусах была мода на удалство, на эксцентричные выходки, на любовные похождения³⁰, и это очень мешало созданию в армии и в дворянских учебных заведениях православной среды. В то же время в высших учебных заведениях за счет того, что в них преподавало немало членов масонских

²⁵ Штранге М. М. Указ. соч. С. 22 – 23.

²⁶ Там же. С. 32 – 33.

²⁷ *Документы и материалы по истории Московского университета во второй половине XVIII века*: В 2 ч. Издание Московского государственного университета, 1962.

²⁸ 1755, января 24. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету // Московский университет в воспоминаниях современников (1755 – 1917). М., 1989. С. 35.

²⁹ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 10.

³⁰ Жихарев С. П. Записки современника. М.: Л., 1955. С. 229 – 230.

лож, целенаправленно воспитывалось в интеллигентском духе немало молодежи из разных сословий, в том числе и дворянского.

В XVIII в. обучение в Университете не считалось престижным для родовитых дворян, они предпочитали обучаться в специально дворянских заведениях: в кадетских корпусах или в частных пансионах. Но к началу XIX в. положение изменилось: дворяне стали охотнее поступать в Московский университет. Кроме Московского, в начале XIX в. были открыты университеты в Казани, Харькове, Дерпте, Вильно, Санкт-Петербурге, позже в Киеве. В это время университеты открыто провозглашались центрами подготовки чиновничества и пополнения дворянского сословия. Устанавливаются льготы для тех, кто успешно заканчивает эти заведения. Новый Устав 1804 г. объявлял целью университета подготовку «для вступления в различные звания государственной службы»³¹. От наличия образования, а не от сословной принадлежности стала зависеть возможность получить чин X, XII или XIV класса. Разночинцы не сразу избрали чиновничью стезю трамплином для сословной карьеры. В Петровское и послепетровское время немало разночинцев шло в армию. Но армейская аристократическая среда была более монолитной, чем чиновничья, здесь много зависело от денежных расходов, связей, имени, и поэтому разночинцы, желающие стать дворянами, постепенно начинают ориентироваться на чиновничество: в середине XVIII в. доля недворян среди чиновников занимала 28 %, на рубеже XVIII и XIX вв. их уже 50 %, в середине XIX в. – 61 %³².

В 1720 – 1721 гг. во флоте только 7 % офицерского состава было выходцами из разночинцев, в то время как в армии их было 24,5 %³³. Требования к разночинцам были строже, и спрос гораздо больший, чем с дворян. Преимущество в приеме всегда было на стороне дворянина. Так, для чиновников (недворян) устанавливался больший срок выслуги для получения очередного классного чина. И тем не менее, в течение XVIII в., и особенно в последней его четверти, в местном звене государственного аппарата стала увеличиваться доля чиновников – выходцев не из дворян. Если в 1755 г. доля разночинцев, попавших в I – V классы, составляла 5,41 %, то в 1797 – 1799 гг. – 12,50 %; в VI – VIII классы: в 1755 г. – 17,67 %, в 1797 – 1799 гг. –

25,08 %; в IX – XIV классы: соответственно – 59,54 % и 63,14 %³⁴. Как отметил Б. Н. Миронов, исходя из оценки статистической картины социальных перемещений за период с 1740-го по 1860 г., разночинцы стояли на первом месте в получении образования до 1770-х гг., затем первенство перешло к дворянам. За это время правительством предпринимались меры по перераспределению группы разночинцев среди других сословий. К 1841 г. категория разночинцев, по официальной статистике, перестала существовать³⁵.

Возникает вопрос: когда и по какой причине люди, получавшие образование и призывавшиеся влиться в число служилых лиц разных сословий, стали уклоняться от этого пути? «Интеллигентская» идеология создавалась постепенно во времени. Но всегда ее развитие стимулировали антимонархические и антидворянские настроения. Раз-

Ил. 3. г. Елец. Восстановленный в 1999 г. памятник Елецкому пехотному полку, отличившемуся в войну 1812 г.

³¹ Булгакова А.А. Сословная политика в области образования во второй четверти XIX века // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 105.

³² Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 137 – 139.

³³ Кротов П.А. Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом // Сословия и государственная власть в России. XV – XIX вв. Ч. 1. М., 1994. С. 253 – 263.

³⁴ Румянцев М.Ф. Российское чиновничество второй половины XVIII в.: формирование сословия // Сословия и государственная власть в России. XV – XIX вв. Ч. 2. С. 68.

³⁵ Миронов Б.Н. Указ. соч. Л., 1990. С. 81.

ночинная интеллигенция противопоставляла природному праву родового дворянства свои права: умом, знаниями, идеями более эффективно решать государственные задачи. Эту часть интеллигенции отличали: политический радикализм, увлеченность политическими идеями французских философов, английских экономистов, религиозное вольномыслие, доходившее у отдельных представителей до атеизма, отстаивание естественного права человека на блага. Мы предполагаем, что от разночинцев интеллигенция получила основу своего характера: категоричность, отсутствие четкого сословного чувства, социальное свободолобие и обостренное упование на научное знание и рациональное мышление. В формировании интеллигенции немалую роль всегда играл национальный компонент, в разные времена разный: украинский, немецкий, польский, еврейский.

Первые остросатирические антидворянские произведения выходят из-под пера князя Антиоха Кантемира, сына молдавского господаря. В его сатире «На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений» (конец 1729 – начало 1730 г.) положительным типам «благонравных, умных, верных» и отмеченных за службу, но безродных дворян Дамона, Трифона и Туллия противопоставляется высокородный, но не желающий приносить пользу Отечеству дворянин Евгений. Автор подчеркивает, что благородным человека делает только добродетель. Евгений не разгонял «пред собой враги устрешенны», не забывал страсти, не «облегчал тяжкие подати народу», не «очищал злых нравов темны груди», не был «независтлив, ласков, прав, негневлив, беззлобен», не верил, что «всяк человек тебе подобен»³⁶. А. Д. Кантемир применил здесь прием отстранения, характерный для классицизма, когда художник абстрагируется от конкретных характеристик героя в угоду его «идеальному» портрету. Герои полностью прозрачны для зрителя, в них нет полутонув. Автор произведения выступает как судья происходящего. Идейность героев скрыта за их нравами, хотя вполне очевидно, что за «добродетелью» героев стоит не моральная коллизия, а идейная. В данном случае обыгрывается идея «настоящего» и «ненастоящего» дворянина, имеющего право быть дворянином и не имеющего нравственного права. Такой признак истинности дворянина, как родовитость, априорно объявляется ложным.

В другой сатире – «На хулящих учения. К уму

своему» – высмеиваются люди из числа аристократии и высших церковных чинов, дурно отзывающиеся об образовании. Предваряя текст той и другой сатиры, автор обращается к читателю с предисловием, разъясняя свои цели. Цель автора одна – «защита добродетели», писать же взялся не потому, что кто-то поставил его судьей, а «по должности гражданина»³⁷. Правительство не разрешило А. Д. Кантемиру печатать его сатиры, и они до 1762 г. распространялись среди читателей рукописно. Известно и то, что именно сатиры послужили причиной «почетной ссылки» Кантемира до конца жизни с дипломатической миссией: сначала в Англию, а потом во Францию.

Среди разночинной интеллигенции поколения до 1770-х гг. было немало выходцев с Украины, из казацкой среды. Именно они продолжали вносить полемический антидворянский тон в публицистику и философские произведения. Они боролись за то, чтобы казацкие старшины получили равные права с русским дворянством. Под огнем критики было, конечно, не правительство, а русские дворяне, в основном помещики. Дворянские привилегии были дарованы украинским казацким старшинам Екатериной II в 1783–1785 гг.³⁸, но сами полемисты-разночинцы были отстранены от государственных должностей, и многие вернулись на Украину.

В церковных структурах также в это время существовала проблема, связанная с тем, что многие архиерейские кафедры в России занимали малороссы, получившие образование в стенах Киевской академии. Из-за господства схоластики, признания первенства книжного знания перед духовным, аскетическим опытом в дела веры вносился дух рационализма³⁹. Церковь – живой организм, и она быстрее и успешнее отреагировала на попытки пленить ее. В течение всего Синодального периода Церковь боролась с «духом интеллигентности», в виде разных идейных течений проникавшим в богословскую мысль и богослужебную практику. Как противодействие рационализму в монастырях стало развиваться старчество, дух высокой молитвы, строгого аскетизма, и все это – на основе возвращения к трудам святых отцов. Появилась и богословская литература, где осмыслился опыт святых отцов Церкви для современной жизни (труды святителя Тихона Задонского).

Свой вклад в появление и развитие русской интеллигенции внесли и выходцы из Германии, в большом количестве принимавшиеся на государ-

³⁶ *Русская литература XVIII века. 1700 – 1775* / Сост. В. А. Западов. М., 1979. С. 67 – 76.

³⁷ Там же. С. 60.

³⁸ Александров В. А. Политика Российского правительства по национальному вопросу (середина XVII – XVIII в.) // Национальная политика в России. Кн. 1: Середина XVII – конец XVIII в. М., 1992. С. 25.

³⁹ *Наставления Феофана Новозерского* // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII – XIX вв. М., 1993. С. 212.

ственную службу Петром I. Позиции немецких ученых особенно были сильны в Академии наук в Санкт-Петербурге. Протестантский дух полезности и прагматизма, который распространялся как мировоззрение и на естествознание, формировал рационалистические картины физического мира и воспитывал многих русских выходцев из разночинной среды материалистами и атеистами. Кроме того, некоторые немецкие ученые и политические деятели держали себя обособленно, подчеркивая свою самостоятельную элитарность в русской культуре. Эта позиция выражалась иногда в конкретных спорах (например, М. В. Ломоносова с А. Л. Шлецером): о способности славян и русских, в частности, к самостоятельности в науке, политике, культуре. Как ни странно, но именно война 1812 г. с французами обострила русско-немецкий спор в русском обществе. Некоторые из дворян, будущих декабристов, вступили в тайные общества, как пишет декабрист И. Д. Якушкин, «чтобы противодействовать немцам, находящимся в русской службе»⁴⁰.

Французское влияние на русскую интеллигенцию осуществлялось через высшую дворянскую аристократию, так как для многих ее представителей французский язык и французская культура эпохи Просвещения сделались почти родными. Франция хотя не сразу, но навсегда была выбрана русским дворянством из числа европейских государств как законодательница мод в Европе и культурный образец. Петр I в качестве образца предлагал Германию. Но дворянство по влечению сердца выбрало Францию, что было связано, думается, в первую очередь, с тем, что ни в одной стране Европы не было такой изысканной, галантной рыцарской культуры отношения к женщине. Увлечение Францией началось в середине XVIII в., в Елизаветинскую эпоху, проводниками его сначала были несколько вельмож из близкого окружения императрицы Елизаветы, и прежде всего братья Иван и Петр Шуваловы. Сама императрица Елизавета была горячей почитательницей французских романов. Постепенно в образовательный кодекс дворянина стали входить французский язык и французская философская, политическая и художественная литература. Галломания, как эпидемия, охватила столичное русское дворянство особенно в 1760 – 1780 гг. и превратила немалую часть защитников престола в «интеллигентное общество» почитателей Вольтера, Монтескье, Руссо, энциклопедистов. Опираясь на эту среду, в Россию впервые проникла и утвердилась особая,

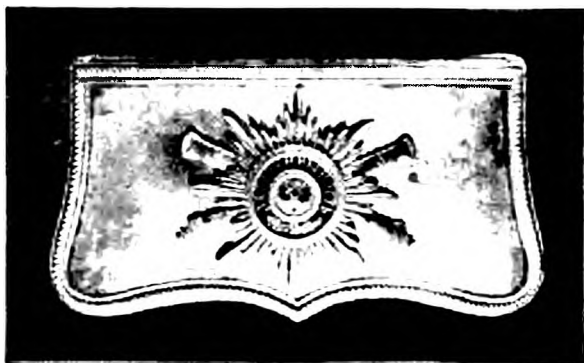
отличная от официально-государственной, основанной на православии, идеология и структура масонства. Здесь идеология интеллигенции получила свое окончательное оформление: у нее появились своя «государственная» структура, свои законы и своя мораль. Особенно опасным было втягивание в масонские ложи широкого слоя преподавателей, ученых из разночинцев и дворян. Французская культура для русской аристократии, однако, не сводилась к «вольтерьянству» или к другим политическим и философским течениям. Вольтерьянством ограничивались в основном те из дворян, кто был склонен к интеллигентской рефлексии. Истинное же – родовое, служилое – дворянство шире смотрело на французскую культуру, и, несомненно, такой взгляд позволял творчески перерабатывать ее образцы, а не быть лишь ее потребителями, или эпигонами.

Активное ядро интеллигенции из представителей всех сословий, и прежде всего дворян и разночинцев, сложилось вокруг переводческой деятельности. В основном это были подконтрольные масонским ложам структуры. Правительство хотя и пыталось с самого начала централизовать переводческие силы, но это оказалось не так просто. Интересы правительства и масонских функционеров пересеклись в издательской области. Государственная власть была заинтересована в книжных переводах, чтобы знакомить российскую образованную публику с новейшей зарубежной литературой для развития светской культуры, наук и передового хозяйственного опыта. Этикетное воспитание рассматривалось как важнейшее средство прививания благородства и дворянских манер поведения. Потребность в иностранной литературе с годами нарастала. Исторические, философские, богословские, художественные произведения французских и немецких авторов пользовались огромной популярностью у русских читателей, в связи с чем сразу же вырос спрос на переводчиков. Переводами начали заниматься все: от императрицы до людей, мало-мальски знающих язык. Быстро росло число частных типографий. В провинции издательские центры возникали нередко централизованно, через столичных организаторов, также по масонским каналам. Рос в эти годы в целом и престиж литературного труда. Перевод для многих стал «поприщем пользы и чести»⁴¹.

Академии наук в 1768 г. было дано поручение учредить «собрание, старающееся о переводах иностранных книг на русский язык», с оплатой

⁴⁰ Якушкин И. Д. Записки // Декабристы: Избранные сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 384.

⁴¹ Кочеткова Н. Д. Середина 1780-х годов – 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995. Т. 1. С. 216.

Ил. 4. Лядунка (сумка для патронов) офицерская лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады образца 1889 – 1917 гг.

работы переводчиков из средств самой императрицы. Собрание просуществовало до 1783 г., потом опека над переводчиками перешла к Академии наук⁴². В Москве существовал свой центр переводческой деятельности – в Московском университете, который с 1763-го по 1770 г. (с 1778-го по 1802 г. – как куратор) возглавлял М. М. Херасков. Близкий семейству Кантемира через родство с другом А. Д. Кантемира, князем Ю. Н. Трубецким, он так же, как и Кантемир, был выходцем из Валахии. Еще в годы учебы в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе М. М. Херасков вступил в масонскую ложу. При нем переводческой деятельностью занимался поначалу небольшой круг людей, в основном из родовитого дворянства, а потом круг этот значительно расширился, руководство перешло к Н. И. Новикову (с 1775 г. он вступил в масонскую ложу). На издательство Новикова приходился 41 % всей переводческой литературы в то время⁴³. Таким образом, правительству не удалось ни в Петербурге, ни особенно в Москве поставить под свой контроль переводческий процесс. Долгое время императрица Екатерина II пыталась в открытом бою выиграть поединок с масонскими идеологами. И запрет деятельности масонских лож в 1792 г. был вынесен не потому, что императрице и ее сотрудникам не хватило сил противостоять им, а из-за того, что противник действовал тайно, коварно, опираясь на разветвленную сеть масонских организаций в России и за границей. На переводческом поприще произошло единение разночинной и дворянской интеллигенции, точнее, разночинная интеллигенция получила новый стимул к развитию, обогатила свой идеологический арсенал и взойшла на новую ступень своего

формирования, соприкоснувшись с дворянами, в свою очередь ставшими интеллигентами.

Пример Н. И. Новикова – талантливейшего деятеля русской культуры – яркое свидетельство того, как глубоко могли заходить заблуждения отдельных русских людей, желающих добра России и ее народу, но отошедших от Православной Церкви и в результате потерявших путеводную нить движения вперед. Ставка, сделанная на масонов, на их связи и средства, заставила его принять условия тайной игры и стать марионеткой в их руках. Слишком высокой ценой пришлось Николаю Ивановичу Новикову заплатить за право являться моральным судьей русской императрице, русскому народу и России.

С литературно-театральной деятельностью А. П. Сумарокова связан особый этап в критике дворянства после А. Д. Кантемира. Объектом сатиры автора, представителя старинного дворянского рода, становится необразованный помещик-обскурант, руководствующийся в своих поступках как будто традиционными церковно-религиозными нормами поведения. Он гордится уже не древностью фамилии и родовитостью, как в стихах А. Д. Кантемира, а своею властью над людьми – крепостными крестьянами. Критический антидворянский пафос появляется в произведениях поэта с 1760-х гг. Как пишет исследователь творчества А. П. Сумарокова, «вместо идеальных государей» своих ранних трагедий в пьесах последнего периода он стал изображать «тиранов на престоле»⁴⁴. За несколько лет до этого Сумароков вступил в масонскую ложу. В стихотворении «О благородстве» (1771 г.) – программном обращении к дворянам – говорится о незаконности существующего социального неравенства, если все рождены от Адама, также о ничтожестве – «скотстве» дворян, которые высокими титулами лишь прикрывают свою звериную сущность. Дворянам достается и за напрасно полученное образование, так как, имея знания и изучив французский язык, они остаются все теми же невежественными «скотами», если продолжают жить по старине («О французском языке», 1771 – 1774 гг.). Но более всего сатира Сумарокова направлена на разоблачение религиозного «лицемерия» тех дворян, которые, будучи владельцами крепостных и людьми, особыми в обществе, не стыдятся быть христианами, людьми церковными (комедия «Опекун», 1765 г.). Лексика дворян в пьесах перенасыщена цитатами из Псалтири и

⁴² Левин Ю. Д. Начало 1760 – середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 153 – 154.

⁴³ Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 213.

⁴⁴ Берков П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 35 – 36.

Евангелия, словами и понятиями из церковного лексикона: «понеделничать», «давать обет», «эпитимия» и другими. При этом они не стесняются на глазах у всех совершать безнравственные поступки. В другой комедии – «Рогоносец по воображению» – Сумароков продолжает развивать тему «животности» дворян-помещиков, которая проявляется не только в жестоким отношении к крестьянам или слугам, но и в быту, и в образе жизни.

Новое развитие антидворянских тем, поднятых Сумароковым, мы находим в произведениях Д. И. Фонвизина, бывшего, так же, как и Сумароков, по рождению дворянином. «Недоросль» – главная комедия сатирика, была написана в 1779 – 1781 гг. Все идеи и «находки» Сумарокова в пьесе Фонвизина обозначены уже ярко и определенно. Главные герои имеют фамилии Скотининых и Простаковых. Они жестоки к слугам и крестьянам, коварны, лживы, жадны, тупы до такой степени, что не способны к обучению. Они также живут «по старине»: соблюдают церковные обычаи, ссылаются постоянно на религиозные нормы и практику. Новым у Фонвизина стало появление положительных образов дворян-интеллигентов. Это люди, воспитание которых состоит в твердом усвоении нескольких важных правил добродетели (идей): «имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время»; учись «благонравию»; воспитывай сердце, чтобы в него вселилась добродетель. Положительные герои, из-за перенасыщенности моральным совершенством, идеальны – и от того скучны и нежизненны. Но театральный успех эти герои имели, так как уже имелась публика, «любящая правила добродетели». Хотя для своего времени их идеальность воспринималась зрителем и читателем как конкретная цель, достижимая для человека с горячим сердцем, ищущим правды. Писатель рассчитывал зажечь сердца, а не привести к счастью и идеалу. Таким образом, в творчестве Фонвизина от лица интеллигенции впервые был сформулирован ее духовный идеал человека, отличный не столько от дворянского, сколько от старорусского социального типа. Вкладывая в уста грубых, невежественных помещиков церковную лексику, Фонвизин адресует читателя в целом к «порочной» помещицкой среде. Эта среда не имеет у писателя положительных героев, так как крепостничество делает ее порочной. Однако чем объяснить, что пьеса была востребована современниками Фонвизина, в том числе и дворянской публикой?

Литературный образ невежественного недоросля Митрофанушки имел огромное воспитательное значение для дворянского сословия. Существовала объективная потребность в критике, в живом, динамичном отторжении митрофанушек от дворян. Быть похожим на Митрофанушку стало в глазах большей части дворянского общества особенно постыдно и бесчестно, и потому среднее и мелкопоместное дворянство всеми силами старалось дать своим детям хорошее образование и воспитание. Получение образования к концу XVIII в. напрямую стали связывать с вопросами карьеры, в том числе и военной⁴⁵.

Дворяне-помещики у писателя выступают силой, которая любыми средствами пытается сохранить старорусскую жизнь. Но Фонвизин по-своему понимает старозаветные устои: это лицемерное благочестие, ханжество, грубость, попрание норм морали в отношениях с людьми низшего сословия. Он словно забывает, что была и подлинная религиозная жизнь с ее идеалом святости личности. Фонвизин – реалист в той части пьесы, где речь идет о Скотининых и Простаковых, так как такие типы помещиков иногда встречались. Они были карикатурны, потому что были немногочисленны. Но Фонвизин не стал, в силу своей идеологической позиции, показывать их антиподами благочестивых помещиков, которые заботились о своих крестьянах и искренне жили церковной жизнью, сохраняя все лучшее, что оставила старина, и которых в реальной жизни было немало⁴⁶. Вместо этого автор предлагает в качестве противоположного типа несколько идеальных добродетельных личностей (Стародум, Софья, Милон, Правдин), которые «полюбили добродетель» и силою воли, терпением, вниманием сердечно усвоили ряд важных нравственных правил и стали жить в согласии с ними.

Постепенно образ «типичного русского помещика» становится главным объектом художественной сатиры интеллигенции. Публике предлагалось от души посмеяться над такими персонажами, а государственным деятелям подумать, как ликвидировать эту вредную часть дворянского сословия. Интеллигенция сумела создать внутри дворянства раскол, утвердив в дворянском общественном мнении образ помещика как существа, паразитирующего на труде крестьян, крепостника и лихоимца. Кризис дворянских гнезд в XIX в. во многом и был вызван тем, что помещицье имение оказалось в роли постоянно «инспектируемого» интеллигенцией объекта. Постоянное нахождение в поле обще-

⁴⁵ Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // Давыдов Д. Сочинения. М., 1985. С. 7.

⁴⁶ Кириченко О. В. Дворянское благочестие: (XVIII век). М., 2002. С. 44 – 46.

ственного зрения постепенно связывало помещичью хозяйственную активность, так что к реформе 1861 г. деятельность этой многочисленной части дворянства стала ограничиваться в основном контролем над доходами имения, между тем как в 1780-е гг. помещичья жизнь носила разносторонний характер. Многочисленные «наказы» помещиков управляющим имениями, также материалы мемуаров XVIII в. позволяют оценивать эту деятельность как многофункциональную и полезную для крестьян и их хозяйственной деятельности⁴⁷. И выступал такой помещик не только как потребитель произведенного продукта, но и как организатор всей хозяйственной жизни на селе, как защитник и помощник крестьян в трудную минуту, как знающий и опытный советчик и судья, как церковный ктитор⁴⁸. Эта многосторонняя деятельность была постепенно пресечена, а точнее, просто задавлена критикой и шельмованием фигуры помещика. Параллельно этому интеллигенция воспитывала новый тип помещика-интеллигента с либеральными воззрениями на политику, абстрактного правдолюбца и гуманиста. На это работали интеллигенты-историки, философы, литераторы, ученые. Собрать воедино всех помещиков, ставших интеллигентами, помогли интеллигенции масонские ложи. После запрета масонских лож Александром I в 1822 г. центр активности масонов переместился в провинцию, и тогда масонство начало быстро распространяться среди помещиков⁴⁹. Вместе с православным служилым помещиком самодержавная власть и Россия в целом стала терять опору в деревне, о чем с болью писал уже 1840-е гг. Л. В. Дубельт – политический деятель, находившийся в курсе реального положения дел сословной России: «Мне кажется, что Россия держится именно своею помещичьею организацией; что это польза государственная в высшей степени. На каждом пункте, где есть помещик, у Государя есть там неослабный блюститель порядка и выгод отечественных, и это такой слуга государства, который не требует ни жалованья, ни награды, а еще сам приносит обществу и казне дань своих трудов, как уплатою различных повинностей, так и тем, что вливает в общественную торговлю несметное количество зерен, питающих наше Отечество и служащих для его обогащения»⁵⁰. В конце XIX в. православный помещик С. А. Нилус подводит уже неутешительный итог наступившему разложению сословной группы помещиков: «Две глав-

ные артерии русской народной жизни, питающие мозг и сердце России в лице ее Государя – дворянство и нераздельное с ним крестьянство, – постепенно и тем не менее зловеще неуклонно отказываются служить государственному организму»⁵¹.

Важным нам представляется рассмотрение вопроса о воспитании интеллигентной личности, или так называемого «нового человека». Воспитательная программа интеллигенции сложилась в идеологию благодаря масонству, но складывалась она из разных источников. Это и идеи гуманизма, проявлявшиеся наиболее выпукло в культурном творчестве. Через них человек обожествлялся, а Бог превращался в природную субстанцию и в виде самодостаточной, самомыслящей Природы представал человеку. Это и протестантский (кальвинистский) моральный ригоризм с его абсолютной моральной личностью. Это и прагматический рационализм в науке, делавший только знание (материальный факт) критерием истины. Иерархические структуры масонских лож, как подобие государства в государстве, позволили этим идеям соединиться в одно целое, в идеологию, дающую поле деятельности личности идейного индивидуалиста. Через масонские ложи, создаваемые там, где предполагалось получить значительные результаты, интеллигенция собиралась в одно целое, чтобы она могла себя чувствовать членом «общечеловеческого братства» и реализовывать максимально полно.

В научных и художественных учреждениях (университете, кадетском корпусе и др.) обращалось внимание на воспитание в духе гуманизма благодаря созданию особых центров досуга. В Московском университете с момента, когда его ректором становится М. М. Херасков, складывается гуманистическая среда общения некоторой части преподавателей и студентов. Культивируются художественно-творческие формы труда и отдыха и всей жизнедеятельности, в которой ценностный смысл труда приобретает не общественный и государственный, а индивидуалистический характер. Каждый участник такой деятельности старался выразить себя в творчестве, преимущественно литературном, таким же примерно образом, как это делали европейские гуманисты начала эпохи Возрождения⁵². Досуг в этой системе начинает довлеть над службой, профессиональной деятельностью. Досуг здесь – это творческое проведение

⁴⁷ Смелянская Е.Б. Указ. соч. С. 32 – 145.

⁴⁸ Кириченко О.В. Дворянское благочестие: (XVII век). С. 209 – 215; *Он же*. Рассказы бабушки. Л., 1989. С. 120.

⁴⁹ Нилус С.А. Великое в малом. Изд. Троице-Сергиевой Лавры. 1992. С. 113 – 121; Гончаров И. А. Воспоминания // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 279.

⁵⁰ Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив. М., 1995. Т. 6. С. 133.

⁵¹ Нилус С.А. Как лечить болезнь России? Как вырвать зло с корнем? // Неизвестный Нилус: В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 75.

⁵² Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 24 – 29.

времени за учеными или литературными спорами и чтением произведений, это время «истинной свободы» и «полноценного» дружеского и культурного общения, это культурно-созидательная среда поклонников знания и учености. В Московском университете сфера досуга организуется вместе с его открытием: создаются «Собрание университетских питомцев», «Общество русских ученых при Университете», «Общество любителей русской словесности». В 1770 г. при Московском университете активные масонские функционеры И. И. Мелиссино и М. М. Херасков создают Благородный пансион, специальное высшее учебное заведение для дворян, где особое внимание обращено на воспитание. Здесь для студентов и преподавателей также организовывались литературные и театральные вечера, на которых не только шел обмен литературными новинками, но и вырабатывались новые модели поведения и взаимоотношений в обществе. Усваивались такие понятия, как «внутреннее благородство», «дружба», «добродетель». Директор пансиона, член масонской ложи А. А. Антоновский, обращаясь к его питомцам, так обозначал существо внутреннего благородства: «...в сем храме Наук, потщись образовать душевные и телесные свои способности: здесь потщись устроить себя на служение Отечеству, и докажи со временем, что благородство твое не в титулах, не в знатности предков, но в сердце твоём, в делах твоих, в заслугах»⁵³. «Внешние» признаки дворянского благородства – чины, родовые титулы, заслуги предков перед государством – объявлялись не имеющими принципиального значения и, следуя дальнейшей логике, даже вредными для укоренения развития внутреннего благородства. Дружба также рассматривалась как особая сверхценность социального общежития. Дружеские связи объявлялись более высшими, чем родственные: «Тут истинная дружба, божественное чувство, столь мало известное в свете – гораздо высшее, нежели самые родственные связи, и столь редкое, даже между родными, – чувство, предполагающее необходимую твердость характера, верность и бескорыстную доброту сердца»⁵⁴. Центры досуга (и ложи, и культурные центры при учебных заведениях) были особой духовной территорией, где отсекались все связи с традицией страны, а взамен культивировался особый дух «свободы, равенства и братства».

Дружба в масонской среде носила характер де-

ятельного покровительства масонов из числа аристократии над способными, талантливыми, но материально бедными, не имеющими связей представителями дворянства, разночинцев, купечества. А те в свою очередь получали право распространить патронат еще дальше. Масонские функционеры-организаторы специально и целенаправленно собирали талантливую молодежь, предоставляя ей возможность и заработка, и установления связей, и высокого покровительства, и вводили ее в атмосферу морального равенства, без чинов и регалий. Масон И. П. Елагин так об этом писал: «...да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общении знамениты и чинами, и достоинствами, и знаками от меня удалены суть...»⁵⁵

Что касается семьи, то она также рассматривалась обособленно от кровного родства, рода, его истории и традиции. В «Путешествии из Петербурга в Москву»⁵⁶ А. Н. Радищев подробно описывает ценностный уклад семьи нового типа. В главе «Крестцы» действует «образцовый» дворянин – такой, каким писатель хотел бы видеть все дворянство. Очень показательна сцена прощания «добродетельного» отца с двумя сыновьями, воспитанными не в традиционном духе сыновней покорности и послушания, а в духе дружбы с отцом. «Дружба» здесь – центральное нравственное понятие, связывающее два поколения семьи. Отец обращается к сыновьям: «Друзья мои». Он говорит им, что все, сделанное для них, даже само рождение их, было не для того, чтобы получать потом от сыновей за это благодарность или послушание. «Не в рассудке, а меньше еще в законе, хочу искать твердости союза нашего; он основан будет на вашем сердце». В сердце заключается крепчайший союз – дружеский – между людьми. И с сыновьями, надеется он, такой союз заключен: «...если сердце ваше ощутит нежную ко мне наклонность, то проживем в дружбе, в сем величайшем на земле благоденствии». Отец постоянно подчеркивает, что сыновья ему ничего не должны. Долга вообще нет в этой «идеальной» системе взаимоотношений. Говорится, что должности отца и матери ничтожны сами по себе, рождать ребенка – это своего рода их личное удовольствие и прихоть. Поэтому сыновья и перед матерью не должны чувствовать должествования. Единственная ее заслуга – воспитание в них «благой души», какую сама имеет, чтобы можно было насадить в душе дружбу вместо обязанности.

⁵³ *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета*. М., 1855. Ч. 1 – 2. С. 32.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. М., 1999. С. 34

⁵⁶ Цит. по: Щербатов М. М. О повреждении нравов в России: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1983.

На первый взгляд кажется, что позиция Радищева не далека от христианской. Так, устами своего героя, «идеального» дворянина, он подробно разъясняет, как воспитывается идеальная личность, для которой «добродетель» есть высшая духовная ценность. Это наука о том, как научиться властвовать собой, своим телом, чувствами, умом, и в центре ее стоит рациональное волевое усилие, после которого человек полюбит «правила добродетели». Тело испытывается суровыми условиями, лишениями. Чувства, напротив, должны быть размягченны, и для этого необходимы занятия музыкой. Ум воспитывается приобщением не к Богу, в православно-догматическом понимании, а к понятию о Боге. Для этого важно научиться улавливать связь между понятиями, ведущими к познанию Бога. Такой путь познания Бога позволит избежать возжигания веры «на основе предрассудков». Есть правила единожития и общежития. Единожитие подразумевает «упражнения в искусствах, художествах, ремеслах» для того, чтобы победить «негу, праздность, неумеренное чувственное услаждение». Труд — главное средство укоренения в правилах единожития. Трудиться нужно телом, сердцем и разумом. Цель труда — направить страсти в необходимое русло: «Буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к благому концу». Правила общежития в свою очередь учат, как исполнять добродетели. Человек должен усвоить закон своего сердца, который «всегда есть благо». «Добродетель — деяния чистого сердца», — подводит итог писатель.

Однако вся эта нравственная система морального совершенства «добродетельной личности» никакого отношения к христианству не имеет, она больше напоминает языческую античную философию стоиков. Добродетель в этой системе — вершина духовных достижений человека, это «человечность» в человеке, она выше «закона гражданского и священнического», в том числе христианского. «Наука управлять собой» отвергает и христианскую аскетику (пост, молитву, церковные таинства), и саму власть Бога. Вместо Промысла Божия, воли Божией здесь звучат слова «рок», «судьба», «случай». Моральный кодекс дворянина-интеллигента у Радищева венчается законным правом человека на самоубийство. Вот какое завещание оставляет «добродетельный» отец-дворянин своим сыновьям: «Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои; если доведен до крайности не будет тебе покрова от угнетения: то тогда вспомни, что ты человек, вспомни свое человечество, восхити венец блаженства,

который отнять у тебя тщатся — умри... умеи умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле». Вот куда вывела кривая морального совершенства — «к добродетельности во зле». Сам А. Н. Радищев, как известно, исполнил этот приговор над собой.

Тяга к самоубийству не является случайным эпизодом рассуждений Радищева, это одна из «профессиональных болезней» интеллигенции и вполне закономерный результат того тупика, в который ставился человек в системе стремления к моральному совершенству. Абсолютное связывание себя суммой внешних правил, подчинение всего себя идеологии, с которой интеллигенты связывали все: и свободу, и истину, и смысл жизни, — при любых невзгодах ставило человека в положение заложника этой идеологии. Невозможность сделать то, что провозглашалось, и создавала уныние, отчаяние, которое без помощи Божией человек не мог преодолеть. А от Бога здесь отказались. Покончили с собой по этой причине, то есть из-за «меланхолии», такие литераторы и художники первого поколения интеллигенции 1750-х гг., как Г. В. Козицкий, С. С. Башилов, И. С. Барков, А. Ф. Кокоринов, А. П. Лосенко и некоторые другие⁵⁷.

Сжигание себя во имя идеи, предложенное интеллигентами В. Г. Белинским, Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским, а позже массовый самоубийственный террор народнической интеллигенции против многих членов правительства и самого императора — это также вид добровольного самоубийства многих сотен и тысяч обманутых идеологией людей из числа научной и художественной интеллигенции. Самосжигание в поступках, направленных против власти, на наш взгляд, было для таких людей своего рода защитой от невозможности быть морально совершенными, «жить по высоким моральным заповедям» в несовершенной жизни.

Моральное, «добродетельное», совершенство — центральное понятие для интеллигента, является для него истинным совершенством, своего рода святостью, высшим достижением личности. Морального совершенства предлагалось достигать не религиозным путем, каким прежде шел православный христианин, через таинство покаяния, приобщения Тела и Крови Христовой, через Церковь и следование Преданию святых отцов, имея перед собой духовный идеал святости, а пристрастным рационально-чувственным путем, через усвоение нескольких важных поведенческих правил. В кальвинизме, нашедшем яркое практическое воплощение в пуританстве, вопрос о спасении перенесен

⁵⁷ Штранге М. М. Указ. соч. С. 268.

из церковной сферы в поведенческую. Человек в поведении постоянно должен являть свое совершенство, свою «святость»: «Кальвинистский Бог требовал от Своих избранных не отдельных “добрых дел”, а святости, возведенной в систему»⁵⁸. В этом была сущность и идеологии русской интеллигенции. Эту идеологию первые адепты интеллигентности Сумароков, Фонвизин, Херасков усвоили в масонской среде. «Идеальная моральная личность», имея основанием человеческие взгляды и пристрастия, но не ориентируясь на Первообраз — на личность Богочеловека Иисуса Христа, меняла свое историческое лицо, по мере того как менялись общественно-политические задачи. «Первообразом» для интеллигента был сам интеллигент, наиболее ярко заявлявший о своей любви к человечеству. Каждый интеллигент считал себя избранным, особенным. «Гарантией этого состояния, независимо от того, каким образом оно достигается в соответствии с догматическим учением данной деноминации, служит не какое-либо магически-сакраментальное средство, не отпущение грехов после исповеди, не отдельные благочестивые поступки, а одно лишь утверждение избранности посредством специфического по своему характеру поведения, коренным образом отличающего избранника от “природного” человека»⁵⁹. Так, в лице В. Г. Белинского интеллигенция на какое-то время обрела такой «первообраз», позже его сменил Н. Г. Чернышевский — другая идеальная личность, и т. д. Такие деятели в глазах людей мало-религиозных наделялись ореолом святости, так как они зримо являли собой образы «людей будущего». Но при этом интеллигент Белинский был непохож на интеллигента Чернышевского, каждый из них был «свят» своей интеллигентской «святостью», в отличие от святых и подвижников Церкви, имеющих общую святость — благодать Духа Святого, просветившего их истинною святостью.

Образ святого в православии одновременно и конкретен и един, так как типичны пути обретения святости, средства и методы аскетической практики. Мы видим эту типичность и в описании житий святых, и в иконных изображениях. Святые и подвижники похожи друг на друга потому, что у них есть один великий Прообраз — Бог, ставший Человеком. Идеал для обычного христианина видится не только в человеке, святом или подвижнике, но и в Самом Боге. В силу этого идеал святости в православной традиции понимается как дар Бога человеку, в том случае, если последний проявил высочайшее духовное смирение и не ждет

от Творца наград за свои труды, а лишь научился быть совершенным в самоукорении, жертвенном несении личного креста и в служении ближним. Моральное совершенство без религиозного содержания всегда условно, субъективно и существует только на словах. Поэтому человеку, который его провозглашает, нужно постоянно декларировать, что жизнь для него значения не имеет, и эта декларация, восторженность затмевают реальное нравственное несовершенство этого человека: его дурной характер, его отдельные странные поступки, его принцип «цель оправдывает средства» и многое другое. Не имея укорененности своих правил в Первообразе — Христе, отказавшись от Бога, от высшего Личностного Начала, интеллигент имеет перед собой в качестве образца лишь сумму нравственных правил, категорический императив, невозможный для осуществления в реальной жизни. Интеллигент желал сам, без Бога, творить чудеса, преобразовать душу волевым усилием, вырабатывая привычку быть идеальным, воспламенять воображение и чувства. Состояние восторженности, пафоса достигалось не через психологический тренинг, а через деятельность, но критерием истины была душа, ставшая чувствительной, трепетной, а значит, как будто и вмещающей в себя всю боль человечества, все несправедливости и беззакония. Любое социальное несовершенство доставляло такой «интеллигентной душе» величайшую муку, и интеллигент готов был на все, чтобы «освободить человечество» от него. Таким описывает декабрист Николай Бестужев состояние своего друга декабриста Кондратия Рылеева незадолго до восстания на Сенатской площади: «Мысль быть орудием или жертвою начатков свободы наполняла все его существование, составляла единственную цель его жизни. Освобождение отечества или мученичество за свободу для примера будущих поколений были ежеминутным его помышлением; это самоотвержение... постоянно возрастало вместе с любовью к отечеству, которая наконец перешла в страсть — высокое восторженное чувствование...»⁶⁰ Эти восторженность, бескомпромиссность, желание служить не наградам и чинам, а «совести» и «правде», не царю (человеку), а угнетенному человечеству, идее человечества при ярком публицистическом таланте очень привлекали особенно учащуюся молодежь и вообще людей, равнодушных к социальным вопросам.

Целую галерею типичных интеллигентов последней четверти XIX в. дает лингвист Д. Н. Овсяннико-Куликовский в книге «История русской ин-

⁵⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 153.

⁵⁹ Там же. С. 183.

⁶⁰ Бестужев Н.А. Воспоминания о Рылееве // Декабристы. Т. 2. С. 35–36.

теллигенции». Вот один такой портрет: «Перед нами был человек (М. П. Драгоманов) живой, веселый, жизнерадостный и необыкновенно привлекательный своею простотой и отсутствием претензий на роль «пророка» и «вождя». Сразу бросалось в глаза другое: живой ум, ясность мысли, огромный здравый смысл, добродушный юмор и не высказываемая, но как бы самоочевидная глубоко моральная сила души... Люди этого типа не моралисты-проповедники. Но зато они всегда очень требовательны в сфере обыденной, элементарной морали. И, предъявляя минимум нравственных требований, они уже не простят человеку, который этого минимума не соблюдает. Они фактически не выносят лжи, даже невинной, и того наивного «плутовства» души, к которому так склонно большинство смертных. Не выносят они мелких чувств, нравственной дряблости, мелочных компромиссов с совестью и т. п. прегрешений, имя которым легион и которые «среднему человеку», в конце концов, не мешают все-таки оставаться порядочным человеком»⁶¹.

Вот характеристика революционера-интеллигента П. Л. Лаврова: «...гуманен, слишком перегружен ученостью, принципиален, строго морален, разумно терпим, природно добродушен, благожелателен, приветлив, сочувственен, истинный мудрец не от мира сего»⁶².

Николай Иванович Зибер — швейцарец по происхождению, но родившийся и воспитанный в России, любил Россию «мучительной любовью русского интеллигента. Это не мешало ему последовательно отрицать спасительность так называемых коренных «начал» или «устоев» русской жизни»⁶³. Другой интеллигент, лингвист и фольклорист А. А. Потебня, в вопросах веры был агностиком, признавая реальность только того, что видел и чувствовал. Резко отрицательно относился он к «навязыванию» государством и Церковью религии, считая, что никто не вправе вторгаться в интимный мир личности. Сила личности во внутренней свободе духа, в состоянии свободы от внешних авторитетов. А. А. Потебня — тип интеллигента ученого-теоретика. Овсянко-Куликовский так его характеризует: «Две черты, как-то сами собою, выступали вместе с умом признанного мыслителя: независимость характера и суждений и неуспынный моральный протест, всесторонний, идущий вглубь и вширь: против политической и общественной реакции, против человеческой дряблости и

пошлости. Порчи нравов, невежества, мракобесия, лицемерия и глупости... Разум [его] казался глубоко моральным, а мораль высоко разумной. Передо мною очерчивалась морально-нормативная натура огромной силы, уравнивающая огромную силу творческого ума»⁶⁴. Он презирал открыто и демонстративно все проявления неумности, особенно если делались попытки их скрыть. В преподавании отличался разговорной манерой общения, а в непосредственном общении — простотой и легкостью.

В интеллигенте-преподавателе, каким являлся В. И. Григорович, читавший лекции в Одесском университете в 1870-е гг., заметны демократизм и простота в общении со студенческой аудиторией: «...свои лекции он читал совсем просто — тоном задушевной беседы, ясно, отчетливо, в форме, вполне доступной начинающим. Охотно приглашал он студентов к себе, в свою холостую, беспорядочную, заваленную книгами квартиру, для чтения текстов и бесед, угощал чаем с вареньем и всякими печеньями и очаровывал простотой обращения, радушием и все тем же юношеским энтузиазмом ученого не от мира сего. Нуждающимся студентам он никогда не отказывал в материальной помощи. Он вообще был бесребреник и счета деньгам не знал... Одевался он более чем небрежно. Григоровича любили и уважали. В нем ценили настоящего, большого ученого и настоящего, призванного профессора... Это был человек, по натуре предрасположенный к либеральному, прогрессивному и просвещенному воззрению на вещи и к гуманному отношению к людям... но это человек, который давно уже пошел на убыль, — «не расцвел и не отцвел»... вся его деятельность, столь много вначале обещавшая, по какой-то неведомой причине или в силу какого-то душевного изъяна давно уже оказалась на ущербе»⁶⁵.

Как видим, в этих портретах интеллигент рисуется человеком милым, симпатичным и нравственно как будто безупречным. Как было такого не любить, не слушать, не восхищаться им? Многие не могли себе представить, каким злом, насилием, разрухой обернутся вскоре мнимоблагие слова этих лекторов о гуманизме, их политические идеи, их безбожие, их материалистическое мировоззрение.

Рисую портреты интеллигентов, Д. Н. Овсянко-Куликовский выделяет у них «психологическую религиозность», а иначе говоря, псевдорелигиоз-

⁶¹ Овсянко-Куликовский Д. Н. Воспоминания // Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 432 — 441.

⁶² Там же. С. 456.

⁶³ Там же. С. 445.

⁶⁴ Там же. С. 467.

⁶⁵ Там же. С. 377 — 379.

ную веру в идею: «Особенностью таких натур служит то, что у них с потерей веры в Бога и в Церковь отнюдь не исчезает порядок религиозных чувств, которые только переносятся на другой объект [но в религиозной вере не объект, а Субъект. — О. К.]: на идеал, на политические убеждения, на философскую идею, на моральную догму и т. д. Этот новый объект является для них не только, как для других людей, просто предметом размышления, изучения, умственного интереса и т. д., но и предметом веры, надежды и любви и образует род заветной святыни»⁶⁶.

Интеллигенция выдвинула свой идеал «добродетельной» высоконравственной личности не стихийно и бессознательно: этот идеал был ею усвоен в масонской среде. Именно из масонских лож впервые зазвучали голоса, что нравственность — дело личное, автономное, что каждый имеет право сам себя совершенствовать и «тесать дикую глыбу своего сердца». Проводилась идея, что человек может быть огражден от насилия (в том числе и морального) только правовыми средствами. И лишь благодаря праву (закону) один человек может быть равен другому. На эту идею легко было привить мысль, что человек есть гражданин мира, космополит; но разные типы нравственности и разные виды религии не сольешь в единую систему для всех народов (хотя в обрядово-ритуальной части масоны это делали в своих ложах), а правовые законы могут стать общими. В рамках принадлежности к масонству правовой космополитизм находил свое выражение в особой системе иерархии, когда руководство орденом терялось в заоблачных высотах европейского масонства. Такая иерархия, в отличие от монархической, требовала подчинения не монарху и поставленным им чиновникам, а системе правил, которую должны контролировать специальные лица. Служение царю или королю оценивалось масонами негативно, так как это являлось, по их мнению, деспотизмом. В религиозном контексте это был отказ служить Перволицу — Богу; в философском, при опоре на деистические воззрения, это являлось служением «мудреца истине». Чтобы сменить такую устойчивую парадигму, какой являлась идея служения Отечеству под эгидой православного царя-самодержца, нужно было противопоставить ей не просто сумму новых идей — новую идеологию, но создать новую структуру — новую иерархию, организовать иной тип служения. Голыми идеями, хотя бы самыми «прогрессивными», служилое дворянство

нельзя было увлечь. Масонство принесло не только новую идеологию, но и свою иерархическую организацию в качестве платформы для ее утверждения. Возникнув в Европе еще в средние века как антимонархическая и антихристианская организация, масонство смогло везде утвердиться только «на плечах» аристократии, умело подменяя те ценности, которые та защищала в христианском мире, втягивая в свои сети даже правителей-монархов. В Европе причиной падения аристократии перед лицом масонства была слабая централизация политической власти в руках королей в условиях, когда Католическая церковь не желала видеть эту власть сильной, и аристократия могла себе позволить установить нужную ей форму власти и тип иерархии. Прежде чем масоны пришли в Россию, они накопили, за несколько веков существования, большой политический опыт тайной и открытой деятельности.

Внутри масонской среды создавался мир так называемой «истинной» свободы, уже не правовой, а индивидуальной. Право лишь ограждает личность от посягательств другой личности, не принадлежащей к масонской среде, располагает же их друг к другу только «братство». Человек становился масоном через ритуально-мистические действия, в том числе клятву и присягу. Философия личностного равенства опиралась в учении масонов на понятие «природных прав». Равенство природных прав масоны ставили, со слов самих масонов, во главу своего учения⁶⁷. Равенство природных прав заключалось в том, что человек, ставший масоном, получал право возвращения к первобытному состоянию свободы, когда над человеком не довлела традиция. Поэтому для масонов свободным является человек, ставший над традицией. В связи с этим «язычник, христианин лишь наименованием, придуманное самими людьми под внушением князя мира. Для масона же и язычники и христиане — равно люди»⁶⁸. Это означало их равенство в вере перед Богом. С сектантской непосредственностью масоны манипулировали обрядами, взятыми из разных религий, не боялись использовать кощунственно, беззаконно рукоположенного священника для самостоятельного совершения христианских таинств: причащения, крещения, посвящения в первосвященники. «Масонское общество было всеисповедным... Христианами должны называться не только те, которые приняли христианское крещение, но и все, имеющие в себе Христа»⁶⁹. Но при этом масонский религиоз-

⁶⁶ Овсянко-Куликовский Д.Н. Указ. соч. С. 454.

⁶⁷ Соколовская Т.О. Указ. соч. С. 39.

⁶⁸ Там же. С. 63.

⁶⁹ Там же. С. 63, 65.

ный экуменизм имел свои границы: свобода личности все же ограничивалась верой в Иегову и в грядущее царство масонов на земле. Присягая, масоны клялись служить Иегове⁷⁰.

Таким же многоликим и внутренне пустым, как «идеальная моральная личность», был и идеальный мир, который интеллигенция созидала. В масонском идеальном государстве – «царстве божьем на земле» – интеллигенция получила ту искомую модель, которая отвечала ее духовным чаяниям. Моральная «добродетельная» личность будет себя чувствовать хорошо только тогда, когда все на земле будут счастливы. Построение этой идеальной модели в реальном мире и провозглашает интеллигенция в качестве конечной цели. В масонской среде эти взгляды, оформленные в идеологию, стали своего рода религиозной доктриной, противоположной христианскому вероучению, хотя сами масоны уверяли, что «христианство и масонство взаимно дополняли друг друга»⁷¹. Идеальная модель общества – всеобщие свобода, равенство и братство – при всей ее условности была удобнейшим средством для идеологической пропаганды. Это было сильнейшее оружие против имеющейся политической системы, несовершенной, потому что она существовала в условиях реальной жизни. Характерно, что многие писатели-интеллигенты (например, Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?») в условиях цензуры иносказательно (часто под видом описания сна) давали образ того земного рая, каким он грезились им в их мечтах. Своего рода зачатком модели будущего общества были для интеллигенции и масонские ложи, где как будто сложились отношения свободы, равенства и братства для всего человечества, так как масонство было международной организацией.

* * *

Собирание образованных слоев в особую группу лиц со своей идеологией проходило «волнами», и правительство время от времени гасило политический радикализм, который исходил из этой среды, принимало те или иные меры к исправлению ситуации. Различными репрессивными мерами пресекалась деятельность самых активных лиц и групп, ужесточались средства контроля над чиновниками и преподавателями из разночинцев, отличавшихся свободомыслием. В 1792 г. правительство запретило деятельность масонских лож в России, являвшихся основным генератором идеологии «интеллигентности».

Ил. 5. Мемориальная доска морякам-воронежцам с атомной подводной лодки «Курск». Свято-Никольский (адмиралтейский) собор. г. Воронеж. 2002 г. Фото О. В. Кириченко

Но, кроме того, предпринимались и позитивные шаги создания социальных структур из образованных слоев. Так, при Екатерине II впервые было решено заняться оформлением новой социальной группы из числа образованных разночинцев, которые показали себя на поприще науки и искусства. В «Жалованной грамоте городам» (1785 г.) им отвели место среди «именитых граждан». В число «именитых граждан» входили: степенные граждане (государственная элита), ученые, художники «трех художеств» (архитекторы, скульпторы, живописцы и композиторы), капиталисты, банкиры, оптовые торговцы, хозяева кораблей. Эту группу отличало высокое правовое положение в городе (выше даже, чем у богатых слоев купечества). Их выделяло не только имущественное положение, но в первую очередь заслуги перед государством. Как и дворян, их освобождали от телесных наказаний, разрешали ездить по городу в карете, запряженной четверкой лошадей. «Именитые граждане» за особые заслуги могли

⁷⁰ Соколовская Т. О. Указ. соч. С. 116.

⁷¹ Там же. С. 106.

получить личное дворянство, а внуки получивших это звание и статус могли хлопотать о получении потомственного дворянства⁷². В 1832 г. на основе социальной группы «именитых граждан» была учреждена новая категория «личных и потомственных почетных граждан», куда вошли крупные предприниматели и банкиры, ученые, художники и дети личных дворян. Эта категория граждан не платила подушной подати, не несла рекрутской повинности, освобождалась от телесных наказаний⁷³. Не исключалась и возможность получить потомственное дворянство через чины и выслугу, если чиновник достигал VIII класса. Планы правительства по аккумуляции разночинной интеллигенции в сословные рамки на этом этапе, однако, не были реализованы. В число «именитых граждан» вошли единицы. К 1820 г. существовало только 28 именитых граждан⁷⁴. Значит, вся остальная масса разночинной интеллигенции или не пожелала, или не могла идти в «именитые», но предпочла продолжать растворяться в родной разночинной среде.

В качестве одной из серьезных превентивных мер, должной предупредить появление политического радикализма в образованной разночинной среде, а также в качестве воспитательной меры правительство Екатерины II в 1764 г. учредило сеть специальных государственных закрытых заведений для выходцев из социальных низов. То есть предполагалось заняться воспитанием маргинальной части сословий: брошенных детей, сирот, покинувших свою сословную нишу. Ставилась задача – с малых лет воспитать таких детей в духе служения интересам России и правительства, вырастить новое поколение выходцев из низов. Речь шла о создании из числа воспитанников государственных благотворительных заведений, в основном Санкт-Петербургского и Московского Воспитательных Домов, достаточно широкого слоя так называемых «средних людей», годных в будущем и для купеческой, и для художественной, и для научной деятельности⁷⁵. В обществе существовало большое количество сирот: из числа детей военных, попавших в несчастье крестьянских детей, а также «незаконнорожденных» детей из всех слоев общества. В Воспитательных Домах дети получали начальное и среднее образование, обучались, кроме умозрительных дисциплин, ремеслам, раз-

личным видам искусств. Те из учащихся, кто показывал успехи, после окончания курса учебы направлялись в высшие учебные заведения. Они получали не только пособия от государства, как все прочие ученики, но и неприкосновенный капитал в банке на первоначальное обустройство, также награждались чинами. Качество обучения и льготы были столь соблазнительны, что некоторые родители из разных сословий стали отдавать в эти учебные заведения под видом незаконнорожденных своих детей. Но с 1837 г. питомцев Воспитательных Домов стали отправлять к государственным крестьянам на воспитание, чтобы те по своему желанию, за плату воспитывали сирот до их совершеннолетия. После чего их устраивали на казенные мануфактуры и фабрики рабочими⁷⁶. Этот правительственный проект не дал тех результатов, к которым стремилось правительство.

В эти же годы, когда решалась судьба незаконнорожденных детей, был создан императрицей Екатериной и И. И. Бецким новый проект воспитания всей учащейся молодежи и написаны с учетом этого новые уставы⁷⁷. Здесь также шла речь о создании «новой породы людей»: «Произвести способом воспитания... новую породу людей, или новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами...»⁷⁸ Но все эти инициативы не могли полноценно реализовываться, так как нередко исполнителями на местах были преподаватели – члены масонских лож. Таким образом, кадровый вопрос явился главным препятствием на пути государственных педагогических проектов, связанных с воспитанием образованной части общества.

В период правления Павла I со стороны правительства была сделана попытка мирными, ненасильственными средствами решить проблему подчинения масонской интеллигенции делу служения России. Император, избрав удобный политический момент, связанный с защитой Мальтийского ордена, предложил всем дворянам гласную орденскую форму служения: перейти на настоящие рыцарские отношения по вертикали власти и заняться деятельно и широко делами благотворительности, милосердия, помощи ближним. Масонству предлагалось выйти из тени, и если их лозунги не одни слова, то подкрепить их делом. За этот вели-

⁷² *Комментарии к закону*. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Законодательство периода расцвета абсолютизма. Т. 5. С. 134.

⁷³ *Законодательство о правовом статусе населения*. Введение // Законодательство первой половины XIX века: В 9 т. М., 1988. Т. 6. С. 27.

⁷⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 163.

⁷⁵ Пятковский Н. Начало Воспитательных Домов в России // Вестник Европы. 1874. Т. 6. Кн. 11. С. 276.

⁷⁶ *Сборник сведений по общественной благотворительности*. СПб., 1880. Т. 1. Ч. 1 – 3. С. 142.

⁷⁷ *Полное собрание законов Российской империи с 1699 г.* СПб., 1830. № 120103.

⁷⁸ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 11.

кoduшный шаг император заплатил жизнью. Этим циничным и жестоким убийством была обозначена новая эпоха в идеологии интеллигенции: уничтожение служилого дворянства — опоры трона и защитника традиции. Тогда же из масонских лож впервые зазвучала тема: уничтожение сословного строя в России, и в первую очередь дворянского сословия. Сами дворяне, представители аристократии говорили, что их существование бессмысленно и вредно. Идеология масонства заставила декабристов поставить «свой» вопрос о самоубийстве, но уже не личностном, а сословном, ради «счастья человечества», ради народа. Природный аристократ В. Ф. Раевский бросает в лицо дворянству в 1817 г. такие строки:

Сословие невежд, гордящихся породой,
Без знаний, без заслуг, но с робкою душой.
Но с знаньем в происках до степени высокой,
Идет надменно и быстрою стопой...

В «Русской Правде» — программном декабристском документе, составленном П. И. Пестелем, ясно говорится об уничтожении сословий и введении общего социального статуса — граждан, подробно в специальных параграфах объясняется, почему дворянство не может претендовать на право ведущего сословия⁷⁹. Война 1812 г. оказала сильнейшее влияние и на интеллигентную часть

дворянства: среди них стали заметны восторженность, разговоры об Отечестве, народе — интеллигентский пафос, принявший крайние формы. Стадия рационалистической критики, идеальных фантазий, фронды после войны 1812 г. перешла в стадию восторженного намерения действовать. Декабристы прошли в учебных заведениях и в семьях своих родителей особую школу, которая и принесла в 1825 г. свои плоды. Не случаен тот факт, что около 60 декабристов закончили Московский университет, плотно укомплектованный тогда преподавателями-масонами⁸⁰.

* * *

События декабря 1825 г. положили начало новому этапу во взаимоотношениях дворянства, руководимого русским императором, и интеллигенции. Пролитая кровь интеллигентами из дворян запечатлела итог полувековой антидворянской, а точнее, антипомещичьей деятельности интеллигенции. С этого времени центр противостояния дворянству интеллигенция перенесла с критики помещиков на критику военно-служилого и чиновного дворянства. Вплоть до 1917 г. эти две большие группы находились под плотной «опекой» идеологов интеллигенции. Наступило время открытого, почти открытого, духовного сражения двух крупных социальных сил, о чем необходимо писать отдельно.

⁷⁹ Пестель П.И. Русская Правда // Декабристы. Т. 1. С. 52 — 58.

⁸⁰ Трубецкой С.П. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск. 1983. С. 8.